

ЭХО ВОЙНЫ | Это кровавая рана, которая и по сей день болит

Крещённые блокадой и Ленинградом

АЛЁНА ЮРЬЕВА

За 900 дней и ночей от голода умерло больше миллиона человек, но город выстоял, не сдался. И те, кто выжил, вот уже более 70 лет хранят в памяти мельчайшие детали тех событий. Они по-прежнему называют свой город Ленинградом, а себя, где бы ни жили, — ленинградцами.

Мне повезло познакомиться с жителями Магнитогорска, пережившими блокаду. Именно повезло. Ведь после общения с пережившими, казалось бы, невозможное, начинаешь иначе воспринимать понятие «трудности».

Вера Герасимовна Ефремова попала в город на Неве в одиннадцать лет. До этого много чего пришлось пережить — раскулачивание, бесконечные переезды в поисках лучшей доли, пока, наконец, её и младших сестёр не «разобрали» старшие, обосновавшиеся в Ленинграде. Там она окончила семь классов и медицинский техникум. «Не успела аттестат получить, как призвали на финскую войну» — вспоминала Вера Герасимовна. Советско-финская вошла в мировую историю под названием «Зимняя война». Долгое время историки утверждали, что причиной её послужило стремление Сталина обезопасить Ленинград. И лишь позднее были озвучены истинные мотивы. Финляндию вместе с тремя балтийскими государствами планировалось включить в «советскую сферу влияния». На всё по всё отводи-

лось двенадцать дней. «Мы лишь чуть повысим голос, и финны сдадутся», — говорил Сталин. Того, что произошло в действительности, никто не ожидал.

— Мало говорят об этой войне. А ведь война была ужасная. Потери страшные. Люди умирали от ран и холода, — вспоминала Вера Герасимовна. — Уже после первого месяца войны победный тон изменился. Стали говорить о мощи линии Маннергейма, тяжелой местности и жутком морозе. Наша армия, теряя десятки тысяч убитыми и обмороженными, застряла в финских лесах. Кроме того у финнов был свой фирменный стиль ведения боев — дожидаться, когда русские выйдут на открытое место, и начать массированный обстрел. У наших солдат был невеликий выбор — замерзнуть на снегу или бросаться в лобовую атаку. Потери от такой тактики были тяжёлыми. Выбраться из той заварухи живьём даже не мечтала. Но выбралась. Иначе, как чудом, это не назовёшь. Пять суток шли в никуда: без еды, без теплой одежды и обуви. То, что начали финны, довершил холод. Люди ложились и умирали. Те, кого не подбирали свои, — замерзали. Я, обмороженная, очнулась уже в госпитале...

После госпиталя и демобилизации Вера Ефремова стала готовиться к поступлению в медицинский институт и одновременно подрабатывала в больнице. О пережитом старалась не думать. Она и представить не могла, что финская война — лишь страшная репетиция перед новой, ещё более кровавой...

— Слово «блокада» вошло в

обиход ленинградцев не сразу — вспоминает Вера Герасимовна. — С каждым днём еды становилось всё меньше, исчезали продукты в магазинах, появились карточки и нормы выдачи хлеба. И они постепенно уменьшались. Была такая школьная карточка УДП — усиленное детское питание, уже через несколько месяцев эту аббревиатуру стали расшифровывать иначе — «умрёшь днём позже». Люди, испытавшие настоящий голод, так же отличаются от никогда всерьёз не голодавших, как фронтовики от тех, кто

Смерть в городе стала таким обыденным явлением, что никого не удивляла

работал в тылу. Или от тех, кто вообще не испытал на себе, что такое война. Главным союзником голода стал холод. Он был каким-то внутренним, пронизывал насквозь. Истощённые тела вырабатывали слишком мало тепла. А ведь нужно было работать, воевать. Я удивляюсь, мы ведь еле ноги таскали, а шли в бой!..

В последние годы рассекречено немало шокирующих фактов о жизни в блокадном Ленинграде, в том числе некоторые фотодокументы. Дело в том, что практически с первых дней осады у жителей были конфискованы личные фотоаппараты. Поскольку делать какие-либо снимки города было строго запрещено, такое право было только у спецкоров. Но и в этом случае действовала жесткая цензура. Снимать можно было только героизм и стойкость, во всех их проявлениях. Ленинградец Жан Кульбах во время блокады работал в городском радиоузле. А вечерами, пока были силы ходить, вместе с другими ребятами пытался защитить свой город от

огня во время бомбардировок и обстрелов — тушил на крышах домов начинающиеся пожары.

— До февраля ещё ходил, — вспоминал Жан Михайлович. — А дальше — дистрофия, самый распространенный в те дни диагноз. Весил всего 35 килограммов. Я уже лежал, вставать совсем не мог, думал — всё. А потом меня отправили на континент...

Об ужасах блокады Жан Кульбах говорил сдержанно. И дело здесь не только в скупом на эмоции прибалтийском характере. Просто блокада — это рана, которая и по сей день болит. Блокаду, как оказалось, можно пережить, но нельзя забыть. Любимый город превратился в огромную могилу для многих тысяч жителей. Смерть стала таким обыденным явлением, что никого не удивляла. Все находились в какой-то апатии. Умирали много и часто. Жану Михайловичу повезло, он добрался до «континента» живым. Не погиб под бомбежками, не умер от голода в дороге. Попал на Урал. В Свердловск. Немного пролежал в госпитале и, хотя, как блокадник, имел отсрочку от фронта на год, сам попросился в строй. «Очень уж на немцев злой был», — признаётся он. Воевал в составе эстонского национального корпуса. Освобождал Ленинград. Был ранен, но снова выжил.

Вера Ефремова пробыла в Ленинграде всю блокаду. Получила ранение и тоже осталась жива. «Я вообще счастливая. Столько раз была на волосок от смерти — и ничего!» — говорила она. После госпиталя её отправили в Омск. Там она познакомилась со своим будущим мужем — магнитогорцем. Муж предложил погостить в Магнитке годик, посмотреть, что и как. «В результате задержались на целую жизнь», — смеётся Вера Герасимовна. И, несмотря на то, что жили счастливо, по Ленинграду она скучает по-прежнему. И очень жалеет, что не вернулась когда-то.

Жан Кульбах прослужил в армии до 1958 года. Объехал всю страну от Прибалтики до Чукотки. К тому времени квартира в Ленинграде уже была занята другими людьми, поэтому, когда встал вопрос, где жить, выбрали Магнитку. К городу он привык, но фильмы о Ленинграде без слез смотреть так и не научился ☹

ГЛОБАЛЬНАЯ КАТАСТРОФА

ВАЛЕРИЙ ЕФИМОВ,
краевед

Рано утром 11 ноября 1918 года немецкие делегаты подписали условия капитуляции в Компьенском лесу. Великая война, как её тогда называли, окончилась.

Цена этой глобальной катастрофы — в материальном исчислении и человеческих жертвах — оказалась очень жестокой и неоправданной.

Эти сведения о потерях очень ненадёжны: цифры убитых включают в себя и лиц, умерших от других причин во время войны.

Цена двух мировых войн

Потери (убитыми и ранеными).

Германия — 1770000 человек, Россия — 1700000, Франция — 131000, Англия — 910000, Италия — 460000, США — 50000...

Окончание первой мировой войны принесло Европе мир, которым она не воспользовалась. Неудовлетворенность побеждённых держав условиями навязанных им договоров посеяла семена будущего конфликта.

В США стала преобладать

политика изоляционизма, столкнувшаяся с насилием «сухого закона» и непримиримостью ку-клукс-клана. Англии пришлось бороться с ирландскими восставшими и гражданским неповиновением Индии. Италия вышла из войны политически нестабильной, и здесь появились первые ростки будущего фашизма. В России революционный идеализм большевиков сменился беспощадной диктатурой Сталина.

К началу 30-х годов после победы нацистов в Германии

возникло ощущение, что вся Европа подвержена тоталитарному правлению того или иного вида.

В 1935 году войска Муссолини вторглись в Эфиопию. Затем началась гражданская война в Испании. 1937 год ознаменовался наступлением Японии на Китай, и без того раздираемый внутренними конфликтами.

После позорного мюнхенского сговора 1938 года всеобщий европейский пожар войны уже был неизбежен.

1 сентября 1939 года немецкие части вторглись в Польшу. Все силы немецкого блицкрига обрушились на поляков. Они разместили свои войска недалеко от границы и наивно полагали, что кавалерия отразит танковые атаки Германии. Скоро поляки были разбиты.

В локальный конфликт вмешались Франция и Англия. Пришёл черёд второй мировой войны.

Никто точно не знает, сколько людей погибло в результате новой глобальной катастрофы.

Вероятно, круглая цифра в пятьдесят миллионов также правдоподобна, как и приблизительна. Поэтому приведённой ниже статистике не следует слепо доверять.

Самые большие потери понёс СССР — 27 миллионов человек. Среди оккупированных стран больше всего пострадала Югославия: 1,4 миллиона убитых граждан. Нидерланды потеряли двести тысяч человек. Греция — 170 тысяч, в основном гражданского населения...

Сегодня призрак третьей мировой войны — не мрачная фантастика. И все-таки я верю, что здравый смысл будет сильнее амбиций отдельных политиков.

Сегодня призрак третьей мировой войны — не мрачная фантастика